

ЭРИК ЭГЕБЕРГ

Заметка о манере повествования в *Житии* протопопа Аввакума

Тот, кто возьмется за чтение *Жития* протопопа Аввакума, скоро удивится многообразию, даже пестроте, стилей в этом произведении. В. В. Виноградов, впервые систематически исследовавший совокупность стилевых уровней *Жития*, относит их к трем разрядам:

- I. Основу его составляет «вяканье», сказ, т. е. разговорно-речевая стихия с яркой эмоциональной окраской и обусловленным ею частым перебоем интонаций.
- II. В частях повествования она органически сплетается с элементами церковно-книжного, главным образом библейского, стиля.
- III. В замыкающих сказ поучениях торжественно-риторический слой стиля обнаруживается в наиболее чистом виде.¹

Главный рубеж в области стилевых слоев пролегает между вступлением, в котором автор излагает свое отношение к христианским догматам, и рассказом о приключениях, встретивших его на жизненном пути. Во вступлении альтернатив нет, там мыслим только один тип языка, а именно стиль третьего разряда по определению Виноградова. Совершенно иначе дела обстоят в главной части произведения, т. е. в самом жизнеописании протопопа, в котором разнородному содержанию соответствуют переходы с одного стиля на другой. Но не только многочисленные перипетии в жизни Аввакума обуславливают такое разнообразие стилей; оно объясняется и тем, что его жизнь как бы протекает в двух мирах: на поверхности в Московском государстве XVII века и одновременно в

---

¹ В. В. Виноградов: *О языке художественной прозы*. М. 1980. Стр. 11.

древнем библейском мире, из которого то и дело проливается поучительный свет на русские события.

Однако, если в *Житии* (за исключением догматического вступления) назвать один доминирующий стиль, то следует, по примеру Виноградова, выбрать «разговорно–речевую стихию». Ведь сам Аввакум называет свое писание «вьяканьем». (Читатель же не должен забывать, что выражение скромности со стороны автора — общее место в средневековой литературе.)

«Разговорно–речевая стихия» — это не просто разговорный язык, иногда, когда речь идет о никонианах, доходящий до необузданной брани. «Стихия» эта охватывает и разные специфические приемы, обеспечивающие впечатление не только языка разговорного типа, но и самого разговора, т. е. сугубо устный характер повествования. Такими приемами являются частые обращения ко «слышателю» типа «на первое возвратимся» и т. п., а также восклицания, обнаруживающие эмоции автора. К этим примерам можно отнести и отступления от строгого хронологического порядка изложения, намеченного в начальных абзацах жизнеописания: «Рождение же мое в Нижегородских предѣлах» и т. д. Интересно заметить, что такие отступления учащаются по мере того, как рассказ приближается к концу. Если сначала он производит впечатление заранее хорошо продуманного изложения хода событий, то это впечатление постепенно заменяется восприятием рассказа, как чего–то еще не совсем упорядоченного. Читатель как будто приближается к рассказчику, становится не только «слышателем», но и свидетелем создания его рассказа. В итоге создается впечатление, что «его язык — почти что записанная живая речь, сохраняющая всю благоуханность непосредственной устной речи, как бы разговора с собеседником».²

Почему Аввакум пишет именно таким образом? Наверно, есть не только одно побуждение, одна забота, но исходя из ожидаемого эффекта подобной манеры, мы можем наметить по крайней мере одну из его целей: предстать перед читателем на самом близком

---

² Пустозерский сборник [Н. Н. Заволоко]. *Автографы сочинений Аввакума и Епифания*. Л. 1975. Стр. VII.

расстоянии. Ведь его публику составляли не только старец Епифаний и немногочисленные узники на дальнем севере, но и тысячи и тысячи приверженцев «древлего благочестия», разбросанных по огромной территории Московской Руси. Если придать повествованию максимально устный характер, т. е. допустить и такие явления, как в письменном, а также в хорошо подготовленном устном изложении обычно устраняются, то автор добьется наибольшей близости к своей публике.

Самый яркий, на мой взгляд, пример такой подчеркнуто непосредственной устной речи встречается в одном из эпизодов, которыми Аввакум заканчивает свое *Житие*:

Как в попах еще был, — там же, где брата бѣси мучили, — была у меня в дому моемъ вдова молодая; давно ужъ, а имя ей забыль, помнится, Офимьею звали, — ходит и стряпает, и все хорошо дѣлает.³

Знакомая неловкая ситуация: человек припоминает приключения из своей жизни, но не все имена и названия появляются в памяти сразу. Но такое воспроизведение процесса припоминания в письменном тексте является редкостью; ведь не стоит ничего устранить из его окончательной версии, тем самым делая его более изящным, гладким. Но именно такого «заглаженного» текста Аввакум, судя по всему, не захотел, и создал текст, дающий читателю чувство личного, непосредственного общения. Можно думать, что и сам бедный автор, оторванный от своих единомышленников, такого же чувства искал для себя, записывая повесть о своей жизни.

Необычность же этого приема так поразительна, что сам Аввакум, кажется, усомнился в его уместности. Во всяком случае, в следующей редакции *Жития* данный пассаж слегка изменен: на этот раз мы встречаем не забвение и внезапное припоминание, а скорее

---

³ *Памятники литературы Древней Руси*. XVII век. Кн. 2. М. 1989. Стр. 394. — В этом издании напечатан текст из т. н. Пустозерского сборника В. Г. Дружинина (редакция 2-ая, А).

неуверенность в правильности памяти. Этим автор мотивирует «нормальный» ход повествования, но снижает его живость:

Еще в полах был, — там же, где брата б̆си мучили, — была у меня в дому молодая вдова, — давно ужь, и имя ей забыль, кабы Евфимьею звали, — ходит и стряпает, все д̆лает хорошо.

Summary: A note on the narration in archpriest Avvakum's *Life*

This short paper comments on the marked oral quality of archpriest Avvakum's prose, focusing on cases where the author pretends to have forgotten a name and then suddenly recollects it.

E-mail: erik.egeberg@uit.no